

УДК/UDC 94

DOI: <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-58-63>

EDN: MYQNXX

Научная статья/Original article

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТАТАР В ТРУДАХ РИЗАЭТДИНА ФАХРЕДДИНА В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ (КОНЕЦ XIX—НАЧАЛО XX вв.)

И. З. Нафиков

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, корп. 1

 IZNafikov@kpfu.ru

В статье исследуется роль выдающегося татарского мыслителя Ризаэтдина Фахреддина (1859–1936) в формировании национально-конфессиональной идентичности татар на рубеже XIX–XX вв. Фахреддин выступил как системный архитектор проекта модернизации в период глубокой социокультурной трансформации, отмеченной кризисом традиционного общества, подъемом национализма, внутренним расколом между кадимизмом и джадидизмом, а также жесткой политикой русификации.

Исследование, основанное на анализе его публицистики, масштабного проекта реформы Оренбургского Магометанского Духовного Собрания (1905) и материалов журнала «Шура», демонстрирует, что его деятельность представляла собой целостную стратегию. Она синтезировала восстановление исторической памяти через труд «Асар», разработку институциональных механизмов этноконфессиональной автономии, всеобъемлющую реформу образования и формирование публичного дискурса. Особое внимание в статье уделяется конкретным стратегиям консолидации идентичности: отстаиванию этнонима «татары» в полемике с пантюристами; защите арабской графики как культурного кода; внедрению трехуровневой образовательной системы и модели «триумвирата» в общине — махалле.

В статье подчеркивается значение повседневных практик как неотъемлемой части модернизационного проекта и формируется вывод, что интеллектуальное наследие Фахреддина заложило фундамент, позволивший татарскому народу сохранить культурные и богословско-теологические векторы модернизации в XX веке.

Ключевые слова: Ризаэтдин Фахреддин, ислам, татары, идентичность, джадидизм, Оренбургское магометанское духовное собрание, модернизация, повседневность

Для цитирования: Нафиков И. З. Проблема национально-конфессиональной идентичности татар в трудах Ризаэтдина Фахреддина в контексте общественно-философской мысли (конец XIX—начало XX вв.). Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2026. Т. 11, № 3. С. 58–63. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-58-63>. EDN: MYQNXX.

© Нафиков И. З., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

PROBLEM OF THE NATIONAL-RELIGIOUS IDENTITY OF TATARS IN THE WORKS OF RIZAETDIN FAKHRETDIN WITHIN THE CONTEXT OF SOCIO-PHILOSOPHICAL THOUGHT (LATE 19th—EARLY 20th CENTURIES)

I. Z. Nafikov

Kazan (Volga Region) Federal University,
Kremlevskaya St., 18, bld. 1, Kazan, 420008, Russia

 IZNafikov@kpfu.ru

ОМСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК. СЕРИЯ «ОБЩЕСТВО, ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ». ТОМ 11 № 3 2026
OMSK SCIENTIFIC BULLETIN. SERIES «SOCIETY, HISTORY, MODERNITY». VOL. 11 NO. 3 2026

The article examines the role of the eminent Tatar thinker Rizaetdin Fakhretdin (1859—1936) in shaping the national-confessional identity of the Tatars at the turn of the 19th and 20th centuries. Fakhretdin emerged as a chief systematizer of the modernization project during a period of profound sociocultural transformation marked by the crisis of traditional society, the rise of nationalism, an internal schism between Kadimism and Jadidism and rigid Russification policies.

Based on an analysis of his journalism, the large-scale reform project for the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly (1905) and materials from the journal "Shura", the research demonstrates that Fakhretdin's activity constituted a coherent strategy. It synthesized the restoration of historical memory through his work "Asar", the development of institutional mechanisms for ethno-confessional autonomy, a comprehensive educational reform and the formation of public discourse. The article emphasizes the specific identity consolidation strategies: defending the ethnon "Tatars" in polemics with Pan-Turkists; protecting the Arabic script as a cultural code; implementing a three-tiered educational system and a "triumvirate" model within the mahalla community.

The article emphasizes the significance of everyday practices as an integral part of the modernization project and concludes that Fakhreddin's intellectual legacy laid the foundation that enabled the Tatar people to preserve their cultural, theological and doctrinal vectors of modernization in the 20th century.

Keywords: Rizaetdin Fakhreddin, Islam, Tatars, identity, Jadidism, Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly, modernization, everyday routine

For citation: Nafikov I. Z. Problem of the national-religious identity of Tatars in the works of Rizaetdin Fakhretdin within the context of socio-philosophical thought (late 19th—early 20th centuries). *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2026;11(3):58—63. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-3-58-63>. EDN: MYQNXX. (In Russ.).

© Nafikov I. Z., 2026.

The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

Конец XIX — начало XX столетия — период, который в российской и мировой историографии часто характеризуется как «эпоха империй и национализмов» [1, с. 108], стал для татарского общества Поволжья и Приуралья временем глубокой социокультурной трансформации. Эта трансформация проходила в условиях сложнейшего переплетения внутренних кризисов и внешних вызовов. Кризис традиционного сословного общества совпал со стремительным ростом национального самосознания. Внутри мусульманской уммы развернулось острое идеологическое противостояние между кадимизмом, отстаивавшим неизбежность традиционных форм, и джадидизмом, выступавшим за обновление и адаптацию к требованиям современности [2, с. 215]. Этот внутренний раскол усугублялся нарастающим системным давлением имперской власти, взявшей курс на жесткую политику русификации и христианизации нерусских народов.

Период, отмеченный влиянием Первой русской революции 1905—1907 гг., породил сложный спектр идейных течений в татарской среде, отражая общую политизацию общественной жизни им-

перии [3, с. 256]. Для татар, обладавших развитой городской культурой и высокой грамотностью, вызовы времени стимулировали интенсивный поиск путей сохранения самобытности в стремительно меняющемся мире, поиск модели развития, которая позволила бы совместить верность религиозной традиции с достижениями современной науки и гражданского общества [4, с. 72].

В данном интеллектуальном многообразии джадидизм выступал как органичная часть более широкого реформаторско-просветительского направления, стремившегося к синтезу исламских ценностей с достижениями европейской и русской культуры [3, с. 256—257]. Именно в этом напряженном и динамичном идейном пространстве сформировалась деятельность Ризаэтдина Фахреddieдина (1859—1936) — выдающегося богослова, историка, публициста и организатора. Цель исследования заключается в попытке выявить системную стратегию Ризаэтдина Фахреddieдина по конструированию национально-конфессиональной идентичности татар через синтез исламской традиции (таджид) и модернизационных практик в ключевых сферах: историографии, институционального строительства, об-

разования, публичной дискуссии и повседневной культуры.

Эволюция мыслителя: от медресе к общеисламскому реформаторству

Интеллектуальная биография Фахреддина является репрезентативной иллюстрацией пути, который прошла лучшая часть татарской мыслительной элиты его эпохи, — путь от традиционной схоластики к просвещенному реформаторству. Получив классическое религиозное образование, он рано осознал его ограниченность и обратился к интенсивному самообразованию, в совершенстве овладев арабским, персидским и турецким языками и приобщившись к современным научным идеям [5, с. 79]. Этот путь был характерен для многих джадидов, для которых разрыв между традиционным знанием и требованиями жизни становился источником творческой энергии [6, с. 89]. Важным этапом формирования его мировоззрения стали личные и творческие контакты с другими реформаторами. Как отмечает Э. Э. Абибуллаева, изучение дарственных надписей на книгах в фонде Мемориального музея Исмаила Гаспринского подтверждает тесные дружеские и профессиональные связи между двумя мыслителями, включая обмен рукописями еще до их официальной публикации [7, с. 125].

Критический перелом в его мировоззрении произошел благодаря глубокому знакомству с наследием трех ключевых фигур: Шигабутдина Марджани, Джамаледдина аль-Афгани и Исмаила Гаспринского. От Марджани он воспринял критический пересмотр традиционного наследия, от аль-Афгани — глобальное видение проблем мусульманского мира и веру в объединяющую силу ислама, от Гаспринского — конкретную программу действий через школу и печать [8, с. 16]. Таким образом, Фахреддин сформировался как мыслитель, чья позиция находилась на пересечении локальной татарской традиции, общеисламского реформаторского дискурса и прагматичных задач культурного строительства. Как подчеркивает А. Ю. Хабутдинов, биография Фахреддина является ключевой для понимания эволюции татарской общественной мысли этого периода, а его деятельность стала своеобразным «мостиком» между поколениями реформаторов [9, с. 5–6].

Фундаментальным этапом, заложившим основу его будущей роли как национального идеолога, стала пятнадцатилетняя работа в качестве кадия в Оренбургском магометанском духовном собрании (ОМДС). Доступ к его архиву предоставил возможность систематического изучения истории мусульман России. Результатом стал фундаментальный биобиблиографический труд «Асар», призванный вернуть татарам их историю, доказав непрерывную преемственность культурной традиции от Волжской Булгарии и Золотой Орды к современной нации, создавая тем самым «длинную» историческую память [10, с. 112].

Параллельно Фахреддин развивал педагогическое направление, создавая серию дидактических сочинений, направленных на формирование нового типа — просвещенного, нравственного и трудолюбивого мусульманина [8, с. 33]. Особое внимание он уделял роли образованной женщины как первой воспитательницы будущих поколений.

Наиболее полным выражением его взглядов стал масштабный «Проект реформы ОМДС» в 1905 г. Этот документ демонстрирует комплексный подход к модернизации исламских институтов в империи,

основанный на стремлении к легитимации в рамках имперского правового поля [11, с. 5–6]. В свою очередь, Г. Б. Азаматова отмечает, что история ОМДС конца XVIII–XIX вв. создала институциональные предпосылки для реформаторских проектов начала XX в., а деятельность Фахреддина стала логическим продолжением этой традиции [12, с. 45]. Фахреддин настаивал на первоочередном пересмотре устаревших книг по фикху и глубокой реформе правовой системы мусульман [11, с. 8].

Центральное место в проекте занимала детально разработанная концепция трехуровневой системы религиозного управления и национального образования, призванная создать стройную централизованную вертикаль. Указанное нововведение преследовало стратегические цели: создание автономной национальной системы образования с едиными стандартами и борьбу с системной коррупцией при назначении духовенства [11, с. 5–27].

Одной из наиболее смелых идей проекта было предложение о создании на базе реформированного ОМДС трех автономных общенациональных центров, курирующих религиозные дела, образование и право [11, с. 11]. По сути, это была модель национально-культурной автономии, органично интегрированной в административное пространство империи. И. К. Загидуллин в своем исследовании реформ ОМДС показывает, что проекты Фахреддина были наиболее системными и проработанными среди всех предложений татарских общественных деятелей того времени, а их реализация могла бы кардинально изменить положение мусульманских институтов в империи [13, с. 38–40].

Важнейшим элементом его проекта была модернизация религиозной общины — махаллы. Традиционная структура дополнялась обязательной новой школой и избираемым попечительским советом — мутаваллиатом [11, с. 18]. Модель «триумвирата» создавала сбалансированную систему, основанную на разделении функций и общественном контроле, способствуя демократизации управления. И. К. Загидуллин подчеркивает, что эта модель была призвана решить проблему системной коррупции и создать «снизу доверху» устойчивую самоуправляемую структуру, что являлось новаторским подходом для своего времени [11, с. 19].

«Шура» как лаборатория национальной идентичности

С 1908 г. Фахреддин стал бессменным руководителем журнала «Шура», который превратился в центральную интеллектуальную площадку и «парламент мнений» для тюрко-мусульманского мира России [3, с. 259–260; 14, с. 11]. Редакторская политика Фахреддина отличалась толерантностью и стремлением к объективности, что превратило «Шуру» в уникальную лабораторию по выработке современной национальной идеологии. Изучение сохранившихся экземпляров журнала в фондах музея Исмаила Гаспринского показывает, что это издание было не только площадкой для дискуссий, но и важным связующим звеном между татарскими и крымскими реформаторами, оперативно освещая ключевые события, такие как 25-летний юбилей газеты «Терджиман» в 1908 г. [7, с. 118].

Именно на страницах «Шуры» развернулись ключевые дискуссии, определившие контуры татарского самосознания. В споре об этнониме «Без кем?» Фахреддин и его единомышленники, такие как Галимджан Ибрагимов, отстаивали исторически

сложившееся самоназвание «татары» как основу для реальной консолидации, отвергая его отрицание радикальными пантюркистами [15, с. 53; 16, с. 267–268]. Эта полемика способствовала кристаллизации модели идентичности, в которой татары осознавались как самобытный народ, являющийся частью большего тюркского мира и исламской уммы.

Другим краеугольным камнем его публицистики была последовательная защита арабской графики, которую он рассматривал не просто как систему письма, а как сакральный культурный код, связывающий с исламским наследием. В 1917 г. он предупреждал, что реформа алфавита часто является инструментом ассимиляции, приводя в пример судьбу других народов Поволжья [17, с. 214–215]. Таким образом, защита графики была частью общей стратегии по сохранению неразрывной связи национального и конфессионального начал.

Повседневность как поле модернизации: дискурс о моде и внешнем виде

Параллельно с дискуссиями о языке и письменности на страницах «Шуры» и в публицистике Фахрединна формировался дискурс о внешнем облике, одежде и бытовой культуре как важных составляющих модернизированной идентичности. Его наставления молодежи и размышления об одежде, проанализированные в работах по истории повседневности [18], демонстрируют, что проект консолидации нации для Фахрединна включал в себя и формирование нового антропологического типа — рационального, практичного, сознательного в своих выборах. Резко критикуя слепое следование моде как расточительство и поверхностность («Не говорите о моде... Мода сродни увлечению пьянящими напитками...»), он, однако, не считал «русскую» или европейскую одежду религиозно запретной (харам), подходя к вопросу с прагматических позиций удобства, качества изготовления и климата [18, с. 159].

В своей объемной статье «Об одежде» (1915) Фахрединн пришел к выводу, что «нет единой религиозной одежды» и что мусульмане разных климатических зон не могут одеваться одинаково. Такой прагматичный и рационалистический подход к повседневности, раскрытый в исследовании Л. Р. Габдрафиковой, был логическим продолжением его общей установки на адаптацию к современности без разрыва с культурным ядром, будь то в педагогике, управлении или личном выборе. Его собственный имидж, эволюционировавший от османской фески к более практичному каляпушу, но сохранивший элементы традиционного казакина, служил визуальной иллюстрацией этого сбалансированного пути [18]. Как показывает исследование Л. Р. Габдрафиковой, такой подход к одежде и внешнему виду был частью более широкого дискурса о рациональной повседневности, который Фахрединн последовательно внедрял через свои публикации, формируя нового «просвещенного» мусульманина, способного адаптироваться к современности без потери своей идентичности [18, с. 157–158].

Испытание советской эпохой: муфтий в условиях социальных катаклизмов

После революций 1917 г. деятельность Фахрединна вступила в крайне сложный и драматический этап. В 1922 г. в условиях уже разворачивающихся гонений на религию он был избран муфтием Центрального духовного управления мусульман. В условиях воинствующего атеизма он прилагал титаниче-

ские усилия для сохранения остатков религиозной инфраструктуры и элементов системы образования [3, с. 260–261]. Его международный авторитет был настолько велик, что советская власть использовала его фигуру, например, для руководства делегацией на Всемирном мусульманском конгрессе в Мекке в 1926 г. [3, с. 261].

Несмотря на голод, репрессии и тотальное идеологическое давление, он продолжал научную работу, хотя его труды уже не имели шансов на публикацию. Это была работа в пустоту, акт интеллектуального сопротивления [8, с. 61]. Его усилия по организации международной помощи голодающим Поволжья в начале 1920-х гг. демонстрируют еще одну грань его деятельности — стремление использовать любую легальную возможность для физического спасения своего народа [8, с. 64]. Его смерть в 1936 г. символически завершила целую эпоху в истории татарской мысли.

Заключение

Роль Ризаэтдина Фахрединна в формировании и укреплении идентичности татар была системообразующей. Он предложил целостный проект, основанный на глубоко продуманном синтезе исламских ценностей (таджид) с требованиями модернизации. Главным теоретическим и практическим достижением Фахрединна стало создание непротиворечивой модели, в которой религиозная общность (умма) и формирующаяся светская нация не исключали, а взаимно укрепляли друг друга. Ислам выступал этико-правовым фундаментом и источником коллективного достоинства, а национальные институты (автономное собрание, школы, пресса) — инструментами адаптации и развития в современных условиях.

Через историко-биографический проект «Асар» он конструировал «длинную» национальную историю, восстанавливая чувство достоинства. Через проект реформы ОМДС он предлагал конкретные юридические механизмы построения национально-культурной автономии. Через журнал «Шура» он создал публичную сферу для формирования дискурса о нации, языке и, как показало исследование Л. Р. Габдрафиковой, о повседневных практиках, включая одежду, формируя рациональную и осознанную бытовую культуру. Его концепции «триумвирата» в махалле и трехуровневой системы образования были направлены на создание снизу доверху устойчивой, самоуправляемой общественной структуры.

Вклад Фахрединна в консолидацию татарской нации также проявлялся в его активной переписке и обмене изданиями с другими лидерами джадидизма, что способствовало созданию единого интеллектуального пространства для тюрко-мусульманских народов России [7, с. 122–124].

Даже в сложнейших условиях советского периода его фигура стала символом выживания, адаптации и сохранения традиции, а интеллектуальное и организационное наследие Ризаэтдина Фахрединна заложило тот прочный фундамент идентичности, который позволил татарскому народу не только выжить, но и сохранить свое культурное и религиозное наследие, историческое достоинство и волю к развитию в XX в. Его опыт синтеза традиции и модерна, веры и разума, национального и общеисламского, высокого и повседневного остается исключительно актуальным и поучительным в современном глобализирующемся мире.

Список источников / References

1. Хобсбаум Э. Век Империи. 1875–1914. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 512 с.
Khobsbaum E. Vek Imperii. 1875–1914. Rostov-on-Don, 1999. 512 p. (In Russ.).
2. Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889). Казань: Российский исламский ун-т, 2008. 656 с. EDN: QUPIGT.
3. Юзеев А. Р. Фахретдин в татарской общественно-философской мысли начала XX в. // Эхо веков. 2007. № 3–4. С. 256–260.
4. Юзеев А. Р. Fakhreddin v tatarskoy obshchestvenno-filosofskoy mysli nachala XX v. *Echo of Centuries*. 2007;3–4:256–260. (In Russ.).
5. Усманова Д. М. Мусульманские депутаты в Государственной Думе (1906–1917 гг.): новая политическая элита в российской империи? // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, № 3–1. С. 113–124.
6. Usmanova D. M. Musul'manskiye deputaty v Gosudarstvennoy Dume (1906–1917 gg.): novaya politicheskaya elita v rossiyskoy imperii? *Kazan Journal of Historical, Linguistic, and Legal Research*. 2013;155(3):113–124. (In Russ.).
7. Фахретдин Р. Тәржемәи халәм. Казан: Иман, 2009. 96 б.
Fakhretdin R. My autobiography. Kazan, 2009. 96 p. (In Tatar).
8. Гимранов Р. Ф. Интеллектуальная биография татарского джадиды: к постановке проблемы // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 85–99.
9. Gimranov R. F. Intellektual'naya biografiya tatarskogo dzhadida: k postanovke problemy. *Etnograficheskoye Obozreniye*. 2012;4:85–99. (In Russ.).
10. Абибуллаева Э. Э. О чём рассказали дарственные книги Ризаэддина Фахрединна Исмаилу Гаспринскому // Тюркологические исследования. 2018. Т. 1, № 1. С. 116–128.
11. Abibullaeva E. E. About what told the donative books of Rizaeddin Fakhreddin to Ismail Gaspinskiy. *Turkological Studies*. 2018;1(1):116–128. (In Russ.).
12. Гыймранова Д. Г., Гобәйдуллин Л. И., Миннуллин Р. Х. Ризаэддин Фахредин: Кәгазъ өстендә калган исем — бетмәс гомәрдер. Казан: Ихлас, 2014. 148 б.
Gymranova D. G., Gobaydullin L. I., Minnullin R. Kh. Rizaeddin Fakhreddin: The name left on paper is an immortal life. Kazan, 2014. 148 p. (In Tatar).
13. Хабутдинов А. Ю. Ризаэтдин Фахретдин как историк и общественный деятель // Научный Татарстан. 2011. № 4. С. 5–18.
14. Khabutdinov A. Yu. Rizaeddin Fakhreddin kak istorik i obshchestvennyy deyatel'. *Nauchnyy Tatarstan*. 2011;4:5–18. (In Russ.).
15. Амирханов Р. Татарский народ и Татарстан в начале XX века: исторические зарисовки. Казань: Татарское книжное издательство, 2005. 174 с.
Amirkhanov R. Tatarskiy narod i Tatarstan v nachale XX veka: istoricheskiye zarisovki. Kazan', 2005. 174 p. (In Russ.).
16. Загидуллин И. К. Р. Фахретдин о роли религиозно-культурных институтов в общественном развитии татар-мусульман (проект 1905 г.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2018. Т. 1, № 8. С. 5–27. EDN: OXHOFL.
17. Zagidullin I. K. R. Fakhreddin on the role of religious and cultural institutions in the social development of Muslim Tatars (project of 1905). *From History and Culture of the Peoples of the Middle Volga Region*. 2018;1(8):5–27. EDN: OXHOFL. (In Russ.).
18. Азаматова Г. Б. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа: Гилем, 2011. 196 с.
Azamatova G. B. Orenburgskoye magometanskoye dukhovnoye sobraniye v kontse XVIII–XIX vv. Ufa, 2011. 196 p. (In Russ.).
19. Загидуллин И. К. О религиозно-культурной автономии татар в округе Оренбургского Магометанского Духовного Собрания // Ислам в современном мире. 2015.11(3). С. 61–70. <https://doi.org/10.20536/2074-1529-2015-11-3-61-70>. EDN: UJEQOL.
20. Zagidullin I. K. On the religious-cultural autonomy of Tatars in the district of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly. *Islam in the Modern World*. 2015;11(3):61–70. <https://doi.org/10.20536/2074-1529-2015-11-3-61-70>. EDN: UJEQOL. (In Russ.).
21. Мәрданов Р. Ф., Госманов М. Г. «Шура» журналының библиографик күрсәткече. Казан: Мирас, 2000. 264 б.
Mardanov R. F., Gosmanov M. G. Bibliographic index of the "Shura" journal. Kazan, 2000. 264 p. (In Tatar).
22. Фахретдин Р. Без кем? // Шура. 1911. № 2. С. 51–56.
Fakhretdin R. Who are we? *Shura*. 1911;2:51–56. (In Tatar).
23. Ибрахимов Г. «Без кем?» бәхәсе // Шура. 1912. № 9. С. 267–268.
24. Ibrahimov G. The "Who are we?" debate. *Shura*. 1912;9:267–268. (In Tatar).
25. Фахретдин Р. Русия мөселманнарының беренче съезды // Шура. 1917. № 9. С. 214–215.
26. Fakhretdin R. The First Congress of Russian Muslims. *Shura*. 1917;9:214–215. (In Tatar).
27. Габдрафикова Л. Р. «Не говорите о моде»: размышления и действия татарского интеллигента рубежа XIX–XX вв. (на примере Ризаэтдина Фахрединна) // Эхо веков. 2025. № 3. С. 152–161. EDN: ARRXXA.
28. Gabdrarifkova L. R. "Don't talk about fashion": thoughts and actions of a tatar intellectual at the turn of the XIXth–XXth centuries (based on the example of Rizayetdin Fakhreddin). *Echo of Centuries*. 2025;3:152–161. EDN: ARRXXA. (In Russ.).

Информация об авторе:

НАФИКОВ Ильсур Закирзянович, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Алтаистика, тюркские и центральноазиатские исследования» Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань.

SPIN-код: 9454-4973

AuthorID (РИНЦ): 802141

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9016-7944>

AuthorID (SCOPUS): 57192199704

ResearcherID: M-3004-2013

e-mail: IZNafikov@kpfu.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

При подготовке данной рукописи автор не использовал генеративный искусственный интеллект или аналогичные автоматизированные инструменты.

Статья поступила в редакцию 03.12.2025; одобрена после рецензирования 05.02.2026; принята к публикации 23.08.2026.

Information about the author:

NAFIKOV Il'sur Zakirzyanovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Altay, Turkic and Central Asian Researches Department, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan.

SPIN-code: 9454-4973

AuthorID (RSCI): 802141

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9016-7944>
AuthorID (SCOPUS): 57192199704
ResearcherID: M-3004-2013
e-mail: IZNafikov@kpfu.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript. The author did not use the Artificial Intelligence or similar automated tools in the article.

The article was submitted 03.12.2025; approved after reviewing 05.02.2026; accepted for publication 23.08.2026.